

Жизнь по-нашему: смешные истории одной семьи

43 рассказа о жизни

Алексей Житеев

18+

Алексей Житеев

**Жизнь по-нашему: смешные
истории одной семьи**

«Автор»

2026

Житеев А.

Жизнь по-нашему: смешные истории одной семьи / А. Житеев — «Автор», 2026

Вот она, настоящая жизнь: чай пьют из блюда, мама звонит ровно в момент обеда, а выходные превращаются в череду нелепых, но смешных приключений. Сборник тёплых и ироничных историй о семье, где каждый день — марафон выживания, ремонт перерастает в стихийное бедствие, а главное лекарство от любых проблем — старый знакомый звук. Это книга о нас с вами. О том, как мы боремся с сантехникой и «умными» гаджетами, пытаемся похудеть перед марафоном, но тайком едим булочки, и о том, как важно находить смешное даже в самых нелепых ситуациях. Если вы когда-нибудь пытались собрать шкаф из Икеи или объяснить подростку, почему «нет» — не приговор, — эти рассказы заставят вас улыбнуться и узнать себя. Остроумные, тёплые истории о том, что счастье не в отсутствии проблем, а в умении смеяться над ними вместе с теми, кого любишь. Возьмите эту книгу, чтобы на один вечер забыть о серьезности и вспомнить, как много радости таит обычная жизнь.

© Житеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. «Сахарница»	5
2. «Сантехник выходного дня»	7
3. «Список»	9
4. «Мамин звонок»	11
5. «Марафон»	13
6	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Жизнь по-нашему: смешные истории одной семьи

1. «Сахарница»

В детстве у нас с бабушкой была игра. Я прихожу к ней в гости, а она меня спрашивает: — Ну, как дела в школе?

И я начинаю рассказывать. Но не просто так, а с максимальной степенью драматизма, на которую способен пятиклассник. Мол, учительница по математике — это вообще какая-то инопланетная форма жизни, которая принципиально не понимает, почему дважды два, по её мнению, должно быть четыре, в то время как мой ответ «девять» гораздо логичнее.

Бабушка сидит, кивает головой, заваривает чай.

У неё была особенность — она никогда не пила чай из кружки. Только из блюдца. Наливала горячий чай в мелкое фарфоровое блюдце и пила, придерживая его снизу пальцами. И в этом процессе всегда был один звук, который я тогда ещё не умел описать. Он появлялся, когда она подносила блюдце к губам. Сейчас, когда я вырос, я понял, что так звучит абсолютная гармония и спокойствие. А тогда он просто означал, что бабушка рядом, и что сейчас она скажет:

— Ну, это всё ерунда. Ты у меня самый умный, просто они не понимают твою гениальность.

И я успокаивался.

Прошло много лет. Я вырос, переехал. Бабушка уже старенькая, живёт в другом городе. И вот как-то летом я решил к ней съездить. Приезжаю. Открывает дверь. Обнимаемся. Она смотрит на меня снизу вверх.

— Ну, как дела? — спрашивает.

И меня пробивает. Я начинаю вываливать на неё всё сразу. Работа — дурацкая, начальник — идиот, в личной жизни какой-то штиль, но не освежающий, а скорее болотный, где даже рыбки нет. Словом, крик души. Я распаляюсь, что-то активно жестикулирую, мечусь по кухне и натыкаюсь взглядом на стол.

Бабушка сидит за столом, маленькая, седая, в своём любимом платке. Рядом с ней стоит чашка. Дым идёт. И она наливает чай.

В блюдце.

Она подносит блюдце к губам. Слышится этот знакомый звук. И вдруг я замолкаю. На середине тирады про начальника, который в пятый раз переделал мою презентацию. Я стою посреди кухни и смотрю на неё. Как она спокойно держит это блюдце. Как пар поднимается. Как этот звук наполняет всё вокруг.

И до меня доходит: зачем я вообще это всё говорю? Этот звук старого фарфора и горячего чая разом перекрыл все мои «проблемы». Я почувствовал себя тем же самым пятиклассником, который жаловался на математику. Но с одной разницей.

Она поставила блюдце на стол, вытерла губы платком и сказала:

— Ну, это всё ерунда. Чаю будешь?

Я кивнул. Она налила мне в кружку. Но я взял не кружку. Я подошёл к шкафу, достал второе блюдце, поставил рядом с ней и налил себе. Мы сидели на кухне, пили чай из блюдца, и слушали, как за окном шумит листва. И я понял: вот оно, моё главное лекарство. Не работа, не деньги, не какие-то там планы. А маленькая женщина, фарфоровое блюдце и этот звук.

P.S. Когда я уже уезжал, бабушка дала мне с собой сахарницу — ту самую, из сервиза. Сказала: «Пусть у тебя в Москве будет». Я храню её на кухне. Иногда, когда совсем тоскливо,

я наливаю чай в блюдце и слушаю звук. Пока что получается не так красиво, как у неё. Но я учусь.

2. «Сантехник выходного дня»

Есть у меня одно твёрдое убеждение: мужчина в доме должен уметь делать всё. Забить гвоздь, починить розетку, собрать шкаф из Икеи, не оставив после себя ни одной лишней детали (ну, или хотя бы не две). Это заложено в нас природой, на генетическом уровне. Наверное, ещё с тех времён, когда мужчины брали с собой в пещеру дубину и шли охотиться на мамонта.

Так вот. Моя дубина — это набор отвёрток и гаечных ключей, который я купил пять лет назад в строительном гипермаркете. Он лежит в ящике под раковиной и ждёт своего звёздного часа.

И однажды этот час настал.

В субботу утром жена сказала:

— Дорогой, кран на кухне капает.

Я подошёл. Посмотрел. И правда — капает. С интервалом примерно раз в три секунды. Кап... кап... кап... Будто метроном, который решил свести меня с ума.

— Без проблем, — сказал я тоном профессионального сантехника, который за пятьдесят лет работы починил как минимум половину кранов в нашем городе. — Мелочь. Я сейчас.

Я достал свой набор. Открыл ящик. И замер. Там было столько всего... отвёртки крестовые, плоские, похожие на звёздочки; ключи разного размера; какие-то странные штуки, назначение которых я до сих пор не знаю. В общем, настоящий арсенал. Я взял самый большой разводной ключ. Потому что если что-то не работает, нужно взять что-то покрупнее. Это аксиома.

Начал откручивать вентиль. Ключ соскочил. Ещё раз. И ещё. В какой-то момент я услышал, как что-то внутри крана хрустнуло. Это был не тот звук, который обычно издаёт исправная сантехника. Скорее, звук, с которым ломается последняя надежда на спокойный выходной.

Жена заглянула на кухню:

— Ну что? Получается?

— Идёт процесс, — сказал я, вытирая пот со лба разводным ключом. — Это сложная работа, ты не представляешь. Тут, знаешь, целая система. Напор. Трубы. Давление.

Я снова полез под раковину и, честно говоря, перестал понимать, что именно я там делаю. Там было темно, холодно и сыро, как в пещере. Я чувствовал себя спелеологом, который впервые спустился в неизведанную шахту. Только вместо сталактитов там были какие-то гнутые трубки, покрытые слоем мокрой пыли.

Внезапно раздался звук, который я не могу описать иначе, как «предсмертный вздох водопровода». И из-под раковины рванула струя воды. Она била прямо мне в лицо, как будто кран обиделся и решил отомстить.

Я выскочил из-под раковины. Мокрый. С головы до ног. В руках у меня был обломок вентиля, а из кухонного шкафчика весело бил фонтан.

— Я его... вылечил, — сказал я жене. — Просто у него сейчас температура. Жар. Он сбивает её водой.

Жена посмотрела на меня. Посмотрела на фонтан. Взяла телефон.

— Алё? Сантехник? Приезжайте, пожалуйста. Срочно. Наш мужчина решил поиграть в водопроводчика.

Через час приехал дядя Вася — настоящий сантехник. Он зашёл, посмотрел на меня (я всё ещё стоял в луже, с обломком в руке), потом посмотрел на кран, вздохнул и за пять минут всё починил. Без криков, без мата. Просто взял какой-то ключик, покрутил, и вода перестала литься.

— Ну, — сказал я, пытаюсь сохранить лицо. — Я его подготовил. Тебе просто повезло. Дядя Вася хмыкнул и уехал.

Я сидел на кухне, пил чай и смотрел на свой набор инструментов. Он лежал на столе, торжественный и непобеждённый. И вдруг я понял: а ведь правда — я его подготовил. Не было бы меня, не было бы этого фонтана. Не было бы такого зрелища. Какой выходной без приключений?

С тех пор я чинить кран больше не пытаюсь. Но мой ящик с инструментами всё ещё под раковиной. Ждёт своего часа. Однажды пробка в ванной засорится. И тогда я достану самый большой разводной ключ и покажу ей, кто тут главный сантехник.

P.S. Дядя Вася теперь приезжает к нам по любому звонку. Говорит, у меня талант — делать из мелкой поломки грандиозное шоу. Я это воспринимаю как комплимент.

3. «Список»

В нашей семье есть традиция. Раз в месяц, обычно в первое воскресенье, жена приходит ко мне с блокнотом и говорит:

— Дорогой, мы поговорим?

Я знаю этот голос. Он звучит ровно, спокойно, как будто она объявляет посадку на рейс. Но в этом голосе есть такая стальная нотка, что я сразу понимаю: сейчас начнётся «Список».

«Список» — это страшная вещь. Он выглядит как обычный лист бумаги, исписанный аккуратным женским почерком. Но на самом деле это документ, который фиксирует все мои преступления за последние тридцать дней. Если бы такой список вели в ООН, многие страны уже давно лишились бы мест в Совете Безопасности.

В прошлый раз там было восемнадцать пунктов. Начиная от «не вынес мусор во вторник» и заканчивая «неправильно поставил чайник, и теперь он стоит не тем боком к розетке». Я, кстати, до сих пор не понял, как вообще можно поставить чайник неправильным боком. Но в списке это значилось как пункт № 14.

И вот — новое первое воскресенье.

— Мы поговорим, — говорит она, садясь напротив меня.

Я киваю. Улыбаюсь. У меня есть тактика: если улыбаться достаточно широко, создаётся впечатление, что тебя всё устраивает и ты вообще не в курсе, о чём пойдёт речь.

Она открывает блокнот.

— Пункт первый.

Я сразу понимаю: этот пункт будет громким. Список всегда начинается с самого тяжёлого обвинения, чтобы я расслабился к концу и согласился на всё остальное.

— Ты в пятницу сказал, что я выгляжу уставшей, — говорит она.

Я замираю.

— Я сказал это как комплимент, — пытаюсь я.

— Как ты можешь говорить женщине, что она выглядит уставшей, как комплимент?

— Я хотел сказать, что ты много работаешь. Это похвала. Ты — трудоголик. Я горжусь тобой.

Она смотрит на меня так, будто я сказал, что Земля плоская.

— Пункт первый засчитан, — говорит она и ставит галочку. — Пункт второй.

— Слушай, может, мы сразу перейдём к пункту восемнадцатому? Я согласен на всё. Я виноват. Мне стыдно.

— Пункт второй, — повторяет она. — В среду вечером, когда я готовила ужин, ты сказал, что суп вкусный. Но я видела, что ты смотрел в телефон и наливал себе второй раз именно через четыре минуты после того, как я сказала, что суп готов.

Я в шоке.

— Ты считала минуты?!

— У меня есть внутренний хронометр. Это материнский инстинкт.

— Я не знал, что у материнского инстинкта есть секундомер.

— Пункт второй засчитан. Пункт третий. Ты снова поставил свои носки не в корзину для грязного белья, а рядом.

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. Я чувствую, как на моём лбу проступает капля пота. Это похоже на допрос в полиции, только вместо наручников у меня на руках — брачный договор.

И тут я решаю перейти в наступление. Я делаю глубокий вдох.

— А у меня есть свой список, — говорю я.

Она поднимает бровь.

— Да? И что там?

Я пытаюсь вспомнить хотя бы один её косяк. Ну хоть что-нибудь. Например... она... она... Она всегда ставит ложку не туда. Нет, она ставит ложку туда, куда надо. Она вообще всё ставит правильно.

— Ты... — я напрягаюсь. — Ты слишком вкусно готовишь, и у меня теперь второй подбородок.

Она пауза. Затем закрывает блокнот и кладёт его на стол.

— Ты прав, — говорит она. — Это серьёзная проблема. Я перестану готовить.

— Нет-нет-нет, я пошутил. Просто пошутил. Ты готовишь идеально.

— А носки? — она улыбается. — Ты будешь их класть в корзину?

Я вздыхаю.

— Буду.

— А суп будешь есть не глядя в телефон?

— Буду.

— А я выгляжу уставшей?

Я открываю рот. Закрываю. И делаю единственное, что мог сделать умный мужчина в этой ситуации.

— Дорогая, ты выглядишь прекрасно. И я люблю тебя. Даже с блокнотом.

Она улыбнулась, поцеловала меня в щёку и ушла на кухню. Я остался сидеть на диване, смотря на закрытый блокнот. И тут я заметил кое-что, что заставило меня улыбнуться.

На обложке блокнота, маленькими буквами, было написано: «Список его косяков. Сезон 12. Эпизод 1».

Оказывается, у нас уже двенадцатый сезон. И я — главный герой.

P.S. После этого разговора я пошёл на кухню, убрал свою кружку в посудомойку (пункт № 5 из прошлого списка) и попытался поставить чайник тем самым правильным боком. Но потом заметил, что у чайника вообще нет боков. Он круглый. Но я всё равно переставил его на пару сантиметров влево, чтобы было видно — я работаю над собой.

4. «Мамин звонок»

У моей мамы есть сверхспособность. Она чувствует, когда я собираюсь есть. Неважно, где я нахожусь. В Москве. В командировке в другом городе. Даже если я за тысячу километров — ровно в тот момент, когда я наливаю суп в тарелку или открываю холодильник, раздаётся звонок.

Это не телефонный звонок. Это вызов. Судьбы. Вселенной.

Я беру трубку.

— Сынок! Ты где? Ты ел сегодня?

— Мам, я как раз собираюсь.

— А что ты собрался есть?

— Ну, не знаю. Что-нибудь.

— А "что-нибудь" — это что конкретно? Ты же там голодаешь! Ты такой худой! Я тебя в последний раз видела, у тебя щёки провалились!

Я смотрю в зеркало. Ну, щёки у меня есть. Может, не такие пухлые, как в детстве, но они точно не провалились.

— Мам, я нормально питаюсь.

— Нормально? Ты вчера ужинал?

— Да.

— А что?

— Ну... макароны с сосисками.

В трубке повисает драматическая пауза, как в фильмах ужаса перед тем, как монстр выпрыгнет из шкафа.

— Сосиски? Ты ешь сосиски?! Сынок, в них же нет мяса! Это бумага! Ты ешь бумагу с красителями! Я тебе говорила, что надо есть нормальную домашнюю еду. Приезжай, я тебе наготовлю.

— Мам, я приеду на выходные.

— На выходные?! Значит, четыре дня ты будешь есть сосиски? Четыре дня?! Я звоню твоей тёте Гале, она тебе передаст котлеты с завтрашней электричкой.

И вот здесь начинается операция "Мамина доставка". Тётя Галя действительно приезжает. С сумкой. В сумке — три контейнера. В первом — котлеты. Во втором — пюре. В третьем — салат. И отдельно пакет с пирожками, потому что "котлеты без пирожков — не котлеты".

Я кладу всё это в холодильник и чувствую себя обеспеченным на месяц вперёд. Но проходит два часа. Раздаётся новый звонок.

— Сынок, ты съел котлеты?

— Мам, я только что их получил.

— А ты разогрел? Не ешь холодными! У тебя желудок заболит!

— Мам, я разогрею. Я умею.

— А ты сковородку нашёл? Она у тебя под раковиной, я помню. Ты её не выкинул?

— Нет, не выкинул.

— А масло есть? Не оливковое, а обычное. Оливковое нельзя жарить, оно канцерогены выделяет! Я тебе говорила!

Я смотрю на свою сковородку. Потом на масло. Потом на телефон. И вдруг понимаю, что я уже разговариваю с ней, а котлеты даже не начал разогревать. Потому что всё это время я ей доказываю, что я, тридцатипятилетний мужчина, умею пользоваться сковородкой.

— Мам, всё хорошо. Я сейчас поем и позвоню.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Кладу трубку. Разогреваю котлеты. Наливаю чай. В этот момент телефон снова звонит. Я смотрю на экран. Она. Я не беру. Просто сижу и жую котлету. Через пять минут приходит сообщение в мессенджере: "Сынок, ты там не упал? Ты почему трубку не берёшь? Я волнуюсь!"

Я отвечаю: "Мам, я ем. Всё хорошо".

Через минуту новое сообщение: "А котлеты вкусные?"

Я улыбаюсь. Набираю: "Самые вкусные. Спасибо".

И вот тут я понимаю главное. Да, это навязчиво. Да, это как будто я всё ещё маленький мальчик. Но котлеты — реально вкусные. И тётя Галя, которая их везла, — это героиня. И моя мама, которая стоит у плиты в соседнем городе и думает, что я пропаду без её пюре, — это мой главный человек.

В эти моменты я не думаю о том, что я взрослый и что могу купить готовую еду в супермаркете. Я просто ем. Слушаю чайник. И знаю, что где-то там, за сотни километров, есть человек, для которого я всё ещё тот самый маленький мальчик, который не умеет разогревать котлеты без канцерогенов.

P.S. На следующий день приехал ещё один пакет. Тётя Галя сказала: «Это от мамы. Пирожки с капустой. И она просила напомнить, что сковородку надо мыть не сразу после жарки, а когда остынет». Я даже не переспрашивал. Просто взял пакет и пошёл разогревать пирожки. И, кстати, она была права — горячую сковородку мыть действительно нельзя. Это я помню с детства.

5. «Марафон»

Это случилось в январе. Как обычно, после новогодних праздников, когда ты смотришь в зеркало и понимаешь: тот человек, который на тебя смотрит, — это уже не ты. Это твой более тяжёлый родственник. В три раза тяжелее. И он явно ел оливье не только в Новый год, но и все последующие две недели.

Я стою на весах. Весы показывают цифру, которую я не хочу запоминать. Я закрываю глаза и загадываю желание, чтобы это были килограммы, которые я потеряю. Открываю. Цифра не изменилась.

И вот в этот момент в моей голове рождается гениальный план. Я стану спортсменом. Нет, не просто спортсменом. Я побегу марафон. 42 километра. 195 метров. Зачем мне эти 195 метров, я не знаю. Но они входят в обязательную программу, и я беру на себя эту ответственность.

Я покупаю кроссовки. Самые дорогие, чтобы было жалко не побежать. Спортивный костюм, чтобы выглядеть как профессионал. Фитнес-браслет, чтобы видеть, как я умираю в реальном времени. И наушники, потому что без музыки бежать нельзя. Все знают: без музыки спорт не считается.

Выхожу на улицу. Первая тренировка.

Я встаю на старт. Делаю глубокий вдох. Начинаю бежать. Но что-то идёт не так. Во-первых, через 30 секунд я понимаю, что дышать — это переоценённый навык. Во-вторых, мои ноги напоминают мне, что в последний раз они бегали в школе, когда я убегал от физрука, который хотел поставить мне "неуд".

Я бегу. Ну, как бегу... Я совершаю движения, которые со стороны, наверное, выглядят как бег. Но если приглядеться, это больше похоже на человека, который пытается уйти от роя пчёл, но роя нет, просто он так двигается.

Через 500 метров я понимаю, что марафон — это не моё. Через километр я решаю, что марафон — это вообще ошибка человечества. Кто придумал эту пытку? Какой-то грек, который тоже объелся оливок и решил побегать? Неблагодарный.

Через два километра я перехожу на шаг. И тут замечаю, что мой фитнес-браслет показывает пульс, который обычно бывает у людей на экстренной операции. Я думаю, что, может быть, мне нужно вызвать скорую. Но потом вспоминаю, что я всего лишь пробежал два километра. Два! Из 42! Мне ещё 40, а я уже готов написать завещание.

Возвращаюсь домой. Жена смотрит на меня.

— Ну как? — спрашивает.

— Отлично, — говорю я, тяжело дыша. — Пробежал десять километров. Чувствую себя бодро. Завтра буду бежать 15.

Она смотрит на мои кроссовки. Они совершенно чистые. Пыль на них лежит так, как будто они стояли в магазине.

— А почему кроссовки чистые? — она прищуривается.

— Я бежал по воздуху. Это новая техника. Позволяет не пачкать обувь.

Она не верит. Но я уже ухожу в душ и притворяюсь, что у меня замечательное настроение.

На следующую тренировку я решаю пойти другим путём. Я читаю в интернете, что бегать можно и в зале, на беговой дорожке. Это казалось проще: не нужно выходить на улицу, холодно, ветер, собаки. Я прихожу в фитнес-клуб, надеваю всё это спортивное снаряжение и встаю на дорожку.

Включаю. Начинаю бежать. Беговая дорожка сначала медленно двигается, потом всё быстрее. Я понимаю, что я уже не управляю ситуацией. Я просто стараюсь не упасть. Это

похоже на Терминатора: если остановлюсь — меня съедят. Только вместо Терминатора — механический агрегат, который хочет выбросить меня в стену.

Ко мне подходит инструктор. Молодой парень, весь в мышцах, с идеальной осанкой и улыбкой, которая говорит: «Я никогда не ел оливье в своей жизни».

— Вы новенький? — спрашивает он.

— Нет, — говорю я, стараясь дышать ровно. — Я профессионал. Готовлюсь к марафону.

— О, круто! — он искренне радуется. — А сколько вы уже бежите?

Я смотрю на табло дорожки. Там написано: «Дистанция — 800 метров». Это восьмая часть того, что я планировал.

— У меня интервальная тренировка, — говорю я. — Я вообще не смотрю на километры. Я смотрю на пульс.

Инструктор кивает, улыбается и уходит. Я выключаю дорожку и сползаю с неё на пол. Лежу на полу в фитнес-клубе, слушаю, как бьётся моё сердце, и понимаю: я самый главный герой этого дня. Я пришёл. Я надел кроссовки. Я даже 800 метров пробежал. Это уже победа.

Через месяц я всё ещё не пробежал марафон. Но я купил новые носки для бега, ещё один фитнес-браслет (другого цвета, потому что первый мне надоел) и записался в фитнес-клуб на год. Вместо того чтобы бегать, я теперь сижу в тренажёрном зале на скамейке и смотрю, как другие люди бегают. И я горжусь собой.

А марафон... ну, марафон никуда не денется. Я обязательно его пробегу. В следующем году. Или через 10 лет. Или когда весы покажут нормальную цифру. Но я верю в себя.

P.S. Жена сказала, что я за этот месяц ни разу не надел кроссовки. Но она ошибается. Я надел их вчера, когда выносил мусор. И пробежал от подъезда до мусорного бака целых 50 метров. Мой рекорд побит! Я в отличной форме.

6

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.